

вытраивались следы крупного значения Болгарии в распространении христианства на Русь, а христианизация Руси представлялась исключительным делом греческого духовенства. Но некоторые данные по этому вопросу в указанных источниках все же сохранились. Почти во всех рукописных списках „Повести временных лет“ под 898 г. значится: „Яже грамота есть в Руси и в болгаръх дунайскихъ“.¹ Если верить этому сообщению летописи, то еще за сто лет до официального крещения Руси славянская грамота употреблялась в Болгарии и на Руси; это была прежде всего церковная, религиозная литература. В некоторых древних рукописях „Повести временных лет“ устанавливается зависимость между крещением болгар, переводом церковных книг на славянский язык и крещением Руси.² Далее: до нас дошла булла папы Иоанна XIII, который в 972 г., за несколько десятилетий до крещения Руси Владимиром, признает существование на Руси такого же христианства, как в Болгарии. Папа указывает на тождественность христианского обряда, бывшего в употреблении у болгарского и русского народов, и запрещает этот обряд в Моравии.³ Наконец, в первом томе исторического труда Татищева, который пользовался ныне утраченными источниками, имеется сообщение о том, что „Симеон Болгарский отправил на Русь иереи учены и книги довольныя“.⁴ Указание на „книги довольныя“ подтверждается многочисленными находками на Руси сохранившихся и до настоящего времени старинных произведений болгарской „преславской школы“. Указанные источники подтверждают, что церковным языком в Киеве и до Владимира был болгарский язык, и богослужение в соборной церкви Илии при Константине велось на болгарском, а не на норманском, готском или греческом языках.

Немало споров и недоразумений вызывало среди историков и помещенное в книге Константина „De cerimoniis“ описание приема при византийском дворе Ольги в 957 г. Само по себе это описание в отношении своей достоверности не может возбуждать никаких сомнений, так как оно представляет выписку из дворцового журнала, в котором описывались парадные приемы послов и посетителей из иностранных государств.⁵ Повод к недоразумениям создало то, что Константин просто привел эту выписку из дворцового журнала, не сопровождая ее никакими пояснениями. Мы должны принять хронологическую дату посещения Ольгой Константинополя, сообщаемую багрянородным императором, — 957 г., и признать неверной датировку крещения Ольги в Константинополе, которую дают древние русские источники — „Повесть временных лет“ и „Похвала Владимиру“ Якова Мниха, — 955 г.

Так как Константин ни единым словом не упоминает о крещении Ольги в Константинополе, то Е. Голубинский сделал попытку целиком отвергнуть русскую летописную традицию, допустив, что Ольга крестилась не в Константинополе, а в Киеве. Этой точки зрения придерживались также В. И. Ламанский и Ф. И. Успенский, обратившие внимание на то, что Ольга, по описанию Константина, имела в своей свите священника (παππς) Григория. Отсюда делался вывод, что Ольга уже была христианка.⁶ На этой же точке зрения стоят и некоторые совет-

¹ „Повесть временных лет“, ч. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 21.

² ПСРА, т. XV, стр. 11.

³ Kozmae Pragensis Chronica Voeorum, XIII, MGHSS, nova series, v. II.

⁴ Татищев. История России, т. I, ч. 1, стр. 18.

⁵ De cerim., II, cap. XV, p. 594.

⁶ См. ЖМНП, 1904, т. I, стр. 153; Ф. И. Успенский. Византия и Русь в X в., Киев, 1889, стр. 19.